

22 APR 1987

КОГДА говорим о Ленине «вечно живой», думаю, надо понимать это так: образу вождя суждено открываться новыми гранями, меняться со временем. Ленина почитаем давно, казалось бы, срок достаточен, чтобы проявил себя закон всякой почитаемости и легендарности, когда образ прославляемого рано или поздно застывает в недвижности. Нельзя сказать, что канонизация вовсе обошла Ленина, но важнее то, что если не в полной мере, то большей частью упомянутый закон здесь как бы теряет силу: Ленин противится канону.

Борис Щукин, открывший актерскую Лениниану, сыграл свою роль как роль характерную, местами отходя от реальности, но творческое решение актера оказалось не только смелым, но и удачным. То был несколько опрошенный, зато утепленный народной любовью Ильич, который и должен был прийти на экран первым. Максим Штраух в том же образе был много ближе к реальности. Но тогда зрительское предпочтение досталось Щукину не потому, что был он первым, но и потому еще, что был он желаемый, ожидаемый, актуальный, а если так — самый правильный Ленин. В той же роли по-своему хороши и непохожи были в театре и кино Смирнов, Лавров, Каюров, а ныне — Ульянов, Губенко... Только немногие раздраженно выставляют свое требование показать им наконец того «окончательного» Ленина, которого они завтра же облачат в ризу, зажут перед ним лампаду и станут усердно подливать в нее свой догматический елей, против которого так яростен был Маяковский: «Если б был он царствен и божествен, я б от ярости себя не поберег, я бы стал бы в перекоре шестий, поклонениям и толпам поперек».

ройство, но горю не предаем. Мы только считаем тех, кого уже не кормит земля: сколько портняжничают, сколько уголья жгут, сколько подалось косарями на низы, сколько в извоз, сколько поденно в страду, кто ушел озаром, а кто батраком в местную экономию. Считаем и расставляем в боевые ряды. И мысль как бы взмывает в призыве: «Прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

И это в 24 года! Хочется перевести дух и взглянуть хоть мельком на его тогдашних противников — что за люди. Видим господина respectableного, пожилого социолога, признанного мыслителя, чуть ли не властителя дум. А этот юноша наш, он кто был тогда, кому известен? У него откуда дерзости взялось того маститого критиковать? Он сначала его изучил до тонкости, потом разобрал до винтика и собрал у всех на глазах, чтоб видно было, что механизм простенький. И чтоб виднее было, как большой дядя ребячески играет в науку, как потешно суется вокруг истины, как гордится победами над ветряными мельницами, с которыми воюет, перьями, которыми себя украшает, велосипедами, которые изобретает. И как при этом пошел и далек от правды. От той простой правды, которую держал в руках юноша 24 лет. Знал ли он тогда, что он — Ленин? Трудно сказать...

Через три года дерзкого борца упрятали в Сибирь. Он прибыл в Шушенское 8 мая 1897 года, а год спустя к нему приехала Надежда Константиновна Крупская с матерью Елизаветой Васильевной. Она добровольно последовала за дочерью в ссылку. Начиная с этого дня мыслится некий сюжет.

женщин и двенадцать мужчин под предлогом именин обсуждали политический документ. Но не стоит забывать, что именины были не ложные, что были они люди молодые, что юношеские порывы были присущи им всем и что воспитались они на традициях революционных демократов середины века. Было лето (хочется повторить), первобытная летняя ночь, небо в звездах, запах трав, свежее дыхание Енисея — все какое-то первобытное... Круг товарищей-друзей, совмещается прогулки... — это не в те ли редкие дни, когда они собирались вместе? «Интернационал» был тогда еще мало распространен. Зато «Вихри враждебные» появились за год до ссылки Ленина, и автор этой песни Глеб Кржижановский находился среди них.

В кругу друзей, как свидетельствуют, Ленин был доверчив и скромен. Эта черта его облика многожды восславлена. Но ленинская скромность нередко мила сердцу обывателя. Величие этого человека он принимает бездумно, сочинений ленинских за вычетом цитат отродясь не читал, ибо пусть их читают те, которым неясно что-нибудь, а ему, обывателю, все ясно. Путем простенького рассуждения он себе на потребу рисует умиленную картину: жил-был некий человек, очень скромный. Кто он таков — не думал никогда, всегда держался в стороне, не выставлял свое «я», никого не обижал и работал. Оказался вождь. Обывателю радостно, что странная озабоченность, на него похож, на обывателя: потому, дескать, и великий, что простой.

Но он потому был прост, что был не прост, а сложен. Он потому скромен был, что дело, которому служил (передать Россию!), было чудовищно нескромным! Великое дело ставило его за черту, где большинства забот человеческих как бы не существует: личное обогащение, карьера, жажда власти, тщеславные помыслы, мстительность, не говоря уж о какой-либо мелкой похвальбе или заносчивости, — ничего такого не было в Ленине. Не потому только, что был он «хороший». Все перечисленное и немалое другое попросту отсутствовало в нем за ненадобностью, в глазах многих он выглядел даже странным. Он был редким оригинальной личностью при всей его видимой простоте.

Когда ушедшего стараешься постичь, сначала перебираешь то, что известно: детей любил, животных любил, песни любил... Верно. Но это еще не он. Смеялся хорошо. Без тех гомерических раскатов, какие бывают у людей здоровых, вполне хороших, но примитивных. У него был задушевный смех, очень радостный, так смеется человек, который и смешное видит не однозначно, в смешном он видит другие грани, какие-то запасы смеха и тайно радуется своей проциательности. По свидетельствам, так же смеялся Пушкин. А почерк у него, между прочим, тоже был пушкинский. О чем говорит, например, его странная манера стоять фертом? Можно предположить, она у него с детства. Ленинские суждения вызвали протест, он не уступал, он стоял перед сверстниками в мальчишески задиристой позе и слушал их с выражением полемиста, у которого наготове самые дерзкие мысли. Атакующая страсть с юности выдала в нем поирожженного бойца, и это свойство его темперамента нашло выражение даже во внешнем облике. О чем говорит его жестикация, в которой был особый, свойственный только ему пластический рисунок? О том же она говорит — о страстности и оригинальности его мысли. Расчищая дорогу революции, он с молодости и до конца жизни взламывал и разрушал догмы. Попробуйте разрушить хотя бы один невинный предрассудок, и вы увидите, что это железобетонная твердыня. Он взял сотни таких крепостей. Возможно, в ссылке он не раз задумывался: если во главе революции суждено будет встать ему, то хватит ли сил, снесет ли этот груз? Мысленно пробовал, какова ноша.

С крестьянином Иваном Осиповичем Ермолаевым, по прозвищу Сосипатыч, он ходил на охоту, замышлял любимыми своими калачами, замешанными на сметане. «Мы эти калачи стали называть в своей семье политическими. Говорю, бывало, Варя — жене-то своей: «Ты налепи-ка «политических» калачей, мы с Владимиром Ильичем на охоту пойдем».

Принято считать, что на охоте он был созерцатель. Это, думается, от пресной благонамеренности, которую мы упорно приписываем Ленину. Правдоподобнее, что охотник он был страстный, это увлекательное и нередко опасное занятие настоящих мужчин было сродни его характеру. Оно придавало ему физической бодрости, вселяло торжество победы и то ни с чем не сравнимое чувство собственной полноценности, которое так радует человека в молодости.

...А у него в это время уже капитальный труд был закончен — «Развитие капитализма в России». И уже послан делег, и весточка пришла, что печатается. Рабочий класс выходил на арену истории... Над Енисеем, в морозном воздухе, далеко вокруг было видно и слышно, высоко в небо поднимались дымы из труб, березовые поленья под топором раскалялись, как сахарные, и пахла свежо, в доме мыли полы к рождеству, пекли хлеба и шаньги.

«Все пишет чего-то, должно из писателя. Я уже доложил об этом господину исправнику не раз, как бы, дескать, чего не вышло из его писанины. Пусть, говорит исправник, пишет. Лишь бы буйная не чинил или чего прочего, а это ничего...»

Проглядел урядник! Окончился срок ссылки, и в тот же день молодой господин, подопечный того урядника, укатил с семьей в Россию. В тот же день, ни часу лишку — вон как! Торопился, как видно. Недоглядел урядник, впрочем, не он один. Не уследили...

В самом начале двадцатого века, в возке, запряженном чалой лошадей, по тракту, навстречу зреющей революции уезжал ее будущий вождь, бывший политический ссыльный Владимир Ульянов, который уже знал про себя, что он — ЛЕНИН.

Великие не всегда прославлены, прославленные не всегда велики. Но если гений обретает всегда, то великом дел своих, он еще тем велик, что, находясь в родстве с остальными, возвышает их в собственных глазах и тем способствует улучшению человеческой природы. Бесконечность Ленина обеспечена тем, что каждый из нас так или иначе видит в нем частицу себя.

Николай ЕРШОВ

ПРИТЯЖЕНИЕ ВЕЛИКОГО ОБРАЗА

Обаяние личности вождя, силу его примера испытывают на себе все наши современники

Несравнимо большее множество людей естественно принимают различные трактовки ленинского образа в искусстве, потому что Ленин неисчерпаем, да и сама бесконечность души не есть исключительное свойство одних великих натур. Строго говоря, человек всяк по-своему бесконечен, и потому исследование души иного мало кому известного чабана не менее (если не более) важно, чем жизнеописание прославленного героя или художника. Что Ленина сделало Лениным? Воля и беспощадность к врагам революции, — говорят суровые и волевые. Широта охвата жизни, пронизательность и гибкость, — говорят люди, склонные к спокойной объективности. Революционное вдохновение и любовь к народу, — говорят те, в ком все от сердца. Правы и те, и другие, и третьи...

Что Ленина сделало Лениным? Повинуясь логике жизни, обращаемся к юности этого человека. Юность Владимира Ильича — пример свободомыслия и дисциплины, дерзкого вдохновения и здоровой трезвости, редкий пример гармонии духа. Об этом можно судить уже по первому крупному его сочинению «Что такое «друзья народа»...».

Читаешь книгу и видишь ее молодого автора, 24 лет, человека, страдающего за судьбу народа. Страдающего... Конечно же, он страдал, как все молодые, случалось, страдал из-за того, что вовремя не нашел, что ответить пошляку какому-нибудь, от того, что выслушал вчера исповедь изверженного человека. Но сильнее он страдал от того, что люди хлеба досыта не едят, что плач стоит на Руси, что все великое затоптано, что хлябь, и тьма, и безвременье. Он был бы обычный во все времена страдалец, если бы всё страдал да страдал. К великой своей боли тот юноша подключил ум, страсть, веру, сокрушительный темперамент, и тогда из боли стала выработываться энергия действия.

Чем скучнее, тем научнее... На этой ветке и понине сидят, сами же ее отпиливая, множество псевдоученых, рвущихся к ученым званиям. Не таков был этот будущий гигант науки, никогда не имевший ученого звания. Читаешь книгу и видишь, как из попутного замечания противника, порой из одного словечка брошенного возникает ответная мысль. Она течет, принимая в себя притоки из всего обширного бассейна жизни, науки, борьбы. Удивительно, как она правдива и богата, как она скована логикой и как вдохновлена, изящна, будто случайная импровизация. Подобно весеннему разливу, мысль выходит из русла, опять возвращается в русло. Под ее напором рушится всё, что считалось незыблемым: посконнодерюжные догмы народников, их слепые надежды на избранного духа, на общину, умильно-слезное благоговение перед мироедом, тщеславие, эпигоство, истлевшая рухлядь патриархальных заветов. Все это в пыль, и вдрызг, и в щепки — удалы! Не слишком ли?

Но нет чрезмерности, все обосновано, все учено, мысль снижается, ниже спускается она и припадает к земле. Мы видим пашню, на пашне — крестьянина, лошаденку, впряженную в плуг или в соху. И видим две судьбы: одна с плугом судьба, другая — с сохой. Мы видим изрытые, одинаковые на вид, с соломенными крышами, как бы обученными на раскосые окна. Мы как бы идем от деревни к деревне и видим только нужду и раздоры под небом, которое так высоко и чисто. Мы идем по России, так широко и велико неуст-

Молодой Ильич поднимался на возвышенность в окрестностях села и подолгу глядел на юг, где по кромке неба стояли горы. Оттуда, из синей дали, катился Енисей. Конечно, ссыльный недаром любил это место, тут мысль его шла крупно. Партия нового типа, задуманная им здесь, была задумана по образу и подобию могучей реки. «Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея, — вспоминал впоследствии его товарищ по ссылке Кржижановский. — Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа...»

Вдохновенно рассказывал... Он волновался, когда мысли одна другой дерзостнее зарождались в его голове, а пылкое воображение тут же обращало их в зазершанные дела. Но был он не только мечтатель. Он был человек дела, и потому в доме крестьянки Петровой его окно светилось подчас до утра.

Почему, однако, предполагаемый сюжет начинается с того дня, когда приехала невеста? Сибирская ссылка, кроме всего другого, была для молодого Ленина счастливой порой любви. О той поре есть задушевное воспоминание Крупской: «Так живо встанут перед глазами те времена первобытной цельности, радости существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный близкий круг товарищей-друзей, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома — мама: домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь, совместная работа, одни и те же переживания, реакции...»

В жизни каждого есть счастливые годы, когда, обретая зрелость, человек знает, на что он способен, и осознает себя тем, кем отныне останется. Болдинская осень с ее обилием шедевров удивила самого Пушкина и показала ему, что он есть не кто иной, как великий поэт России. Болдинская осень была для Ленина сибирская ссылка с ее важнейшими сочинениями, с «первобытной цельностью, радостностью существования», со счастливой любовью и с высоким сознанием своей будущей роли в судьбах России и человечества.

На пути революции уже был сломлен первый бастион — народничество. Но по тылам и на флангах еще процветали старые взгляды. Тут, в ссылке, были даже народоволец один, в котором Ленин не без основания видел потенциального монархиста. Если вспомнить о ленинском полемике с идеологами народничества, легко представить, как блистательно разделялся он с эпигонами. Он был суров, но при этом не забывал, что рядом с ним его молодая жена, его друг, его радость.

Следующим рубежом был экономизм. Пристрельные залпы по второму бастиону грянули еще отсюда, из сибирской глуши. В ответ на манифест экономистов «Средо» молодой Ильич предлагает «Протест российских социал-демократов», документ, который был принят в совещаниях ссыльных революционеров в селе Ермаковском летом 1899 года.

Он был признанным вожаком. В его речи была мысль ученого, проникновенность учителя и доблесть рыцаря. Могла ли его «друзья не гордиться им? Пять